

Крикъ ужаса и скорби вырывается изъ груди Моисея, и онъ спѣшить сообщить ужасную вѣсть патріархамъ.

И, собравшись, садятся всѣ они на обломки храма и плачутъ, и сѣтуютъ, и небо покрывается печалью.

Со слезами на глазахъ, въ разодранной одеждѣ, съ пепломъ на головѣ является Авраамъ передъ Богомъ и молитъ:

— Боже великий! За что пріуготовилъ ты дѣтямъ моимъ столько страданій и позора?

И вмѣстѣ съ Авраамомъ сѣтуютъ и скорбятъ ангелы.

Но Небо молчитъ, и предвѣчный судья безмолвенъ.

— Быть можетъ,—продолжаетъ свое сѣтованіе Авраамъ,—дѣти мои согрѣшили, нарушили законъ святой? Такъ пусть же сама Тора свидѣтельствуетъ противъ нихъ!..

И, сверкая въ небесномъ сіяніи, показалась лучезарная Тора.

— Дочь моя!—возопилъ Авраамъ.—Вспомни: отверженная всѣми племенами земли, ты была принята только моими дѣтьми. Можешь ли ты теперь, въ дни ихъ печали и скорби, свидѣтельствовать противъ нихъ?

Тора безмолствовала.

— Пусть выступятъ отдѣльныя буквы Торы, пусть они свидѣтельствуютъ противъ сыновей моихъ!..

Но молчали и буквы Торы.

— Владыка мира! — взмолился тогда Авраамъ. — Вспомни вѣрность мою тебѣ и сжался надъ дѣтьми моими. Я оставилъ по зову твоему домъ отца моего, блуждалъ и странствовалъ по дикимъ пустынямъ и безлюднымъ горамъ, чтобы дѣти мои имѣли свой кровъ и пристанище тихое... И ты обѣщалъ мнѣ. Ты говорилъ... Такъ вспомни, Боже, и яви теперь благость свою.

Ликъ Вседержителя былъ грустенъ и суровъ.

Явился патріархъ Йсаакъ:

— По велѣнію Отца моего, великій Боже, и по волѣ Твоей я склонилъ выю подъ ножъ на горѣ и теперь молю Тебя, сними ножъ съ выи дѣтей моихъ. Освободи отъ мученія ихъ.